

Цзиньли подняла глаза и сквозь зеркало посмотрела на того, кто стоял позади. Взгляд её задержался на его лице.

Сы Вэй был ещё совсем юн. Госпожа Ю когда-то усердно поправила форму его бровей, отчего его глаза — чуть более округлые, чем классические «глаза феникса», но с мягко опущенными внешними уголками — казались невинными и на удивление живыми. Стоило ему лишь повести взглядом, как в лице проступала какая-то детская, чистая глубина.

Если бы только откормить его, вернуть лицу здоровый румянец да округлить впалые щёки, он стал бы вылитой дочерью из богатой семьи — изнеженной, не знающей мирских забот. Вот только характер у парня был слишком скрытным.

Сы Вэй обладал удивительным даром убеждения, хотя никогда не любил попусту чесать языком. Порой по его ясному, внимательному взгляду можно было догадаться, что в его голове крутятся сложные мысли, но он держал их при себе, не проронив ни слова. Даже наедине с Цинлу говорила в основном она, а он лишь молча слушал.

С таким лицом и в девичьем платье Сы Вэй выглядел настолько естественно, что, пока дело не доходило до осмотра без одежды, никто в мире не заподозрил бы неладное.

Даже Цзиньли разгадала его тайну далеко не сразу — лишь после долгого общения начали всплывать едва заметные мелочи.

Цзиньли посмотрела на Сы Вэя, который после её слов то и дело смущённо теребил подол своего платья, и негромко вздохнула:

— Ладно тебе, не переживай. В твоём облике нет ничего подозрительного, если не считать того, что скрыто под одеждой.

— Я не собиралась выдавать тебя, да и возраст у тебя пока подходящий. Но пройдут год-другой, голос сломается, проявится кадык — и скрывать правду станет куда труднее... Я не спрашиваю, кто ты и откуда. Мы всё-таки не чужие люди, и перед тем, как навсегда покинуть Башню Весенней реки, я просто хотела предостеречь тебя.

— Когда я выйду замуж, а ты заработаешь денег на лекарства, уходи отсюда. Не стоит крутиться в подобных местах. Рано или поздно наживёшь беду.

Сы Вэй прекрасно понимал, что она желает ему добра. Если бы не болезнь госпожи Ю, из-за которой пришлось распродать всё мало-мальски ценное в доме, если бы они не оказались на грани голодной смерти без копейки на лекарства, он никогда бы не пришёл в Башню Весенней реки и не стал бы напрашиваться в помощники к Цзиньли.

В его прежнем мире пороки вроде разврата и азартных игр карались законом, поскольку за

лёгкими и грязными деньгами неизбежно следовали насилие, шантаж и принуждение. Но в эту эпоху бордели и игорные дома процветали под крылом влиятельных покровителей. За ними стояли чудовищные теневые силы, готовые растерзать любого, кто встанет на их пути.

Сы Вэй умел ценить чужую заботу, но тревога всё ещё не отпускала его. Он пристально посмотрел на отражение Цзиньли в зеркале.

— И всё же, госпожа... где именно я прокололся?

В своей прошлой жизни Сы Вэй работал фотографом и по долгу службы соприкасался со сферой моды, так что представление об искусстве перевоплощения имел неплохое. Косплееры и мастера травести-грима в своё время открыли ему целый мир. Переняв основы макияжа от коллег и обладая отточенным чувством прекрасного, он, которого мать с детства приучала выдавать себя за девочку, никогда прежде не совершал ошибок. Он тщательно наблюдал за поведением сверстниц, копируя каждую мелочь.

Одно дело — смутные подозрения, но Цзиньли раскрыла его мгновенно и начисто.

Его беспокойство было вполне оправданным. В официальных списках он числился девицей. По мере взросления скрывать это становилось всё труднее, о чём часто сокрушалась и его мать. Если Сы Вэй поймает в мужском обличье, не имея возможности доказать принадлежность к роду Сы, его признают беглым или «скрытым жителем».

В прежние эпохи таких бродяг без документов сразу обращали в рабство или приносили в жертву. Сейчас же под «дикими людьми» обычно понимали семьи охотников или солдат, бежавших в глухие леса от рекрутчины. Скрытые же жители добровольно отказывались от подушной регистрации, нанимаясь батраками к богатым феодалам. Их судьба была незавидной: случись что, никто даже не узнает об их смерти.

И хотя уездные чиновники обычно закрывали глаза на мелкие нарушения, пока нет жалобщиков, законный слуга хотя бы числился в реестрах. Семья служила единственной защитой от произвола. А вот бесправного бродягу можно было безнаказанно лишить жизни.

Ложь о его поле при рождении граничила с государственным преступлением. Зачем утаили пол? Чтобы уклониться от налогов? Или это бунт против воли Его Величества?

Сы Вэй мысленно усмехнулся. В худшем случае их ждала не просто конфискация имущества, а казнь до девятого колена. Любой местный чинуша ради награды раздул бы это дело до небес, раздавив их с матерью, как букашек.

Заметив его упорство, Цзиньли покачала головой. Подвески её шпилек тихонько звякнули у висков.

— Знаешь ли ты, чему в первую очередь учат маленьких служанок, которых покупает наше заведение?

Сы Вэй растерялся, округлив глаза на своём бледном, осунувшемся лице. Прожив в этом мире не так много лет, да ещё в глухой и отрезанной от мира деревне Линьвань, он действительно многого не знал.

— Нет, не знаю, — честно признался он.

Цзиньли негромко рассмеялась, разглядывая кончики собственных пальцев.

— Первое правило — чистота рук. Ногти должны быть подрезаны, кожа под ними — бела и чиста, без единой пылинки. Мозоли сводят уксусной водой, пока руки не станут нежными, как шёлк. И это лишь начало.

— Затем идёт проверка. Пожилые няньки, что прислуживают хозяйке, осматривают каждую девочку. Заметили грязь под ногтями или неухоженный вид — жди наказания.

— Со временем бедняжки привыкают к этой почти болезненной чистоплотности. Они до блеска вычищают кожу, моют волосы, чтобы ни одна соринка не зацепилась за ноготь, иначе побоев не избежать.

Сы Вэй мысленно согласился: жестоко, но действенно. Грязь под ногтями — верный признак тяжёлого крестьянского труда. В Линьвани деревенские девчонки ходили с вечно тёмными пальцами: то свиньям зададут корму, то хворост собирают, то копаются в золе у очага. Зимой же, спасаясь от простуды, они могли не мыться месяцами.

Сы Вэй внезапно замер, опустил взгляд на свои аккуратные ногти и смущённо посмотрел на Цзиньли.

— Понял наконец? — грустно улыбнулась она. — Я с четырёх лет росла в императорском дворце, в застенках Етин, откуда меня перевели в Приказ придворной музыки. Лишь к двенадцати годам мне удалось выбраться оттуда через связи. Я навидалась разных служанок. Обычный человек не обратил бы внимания на такие мелочи, но я... пусть наш род и разорён, и я не помню былого величия, но воспитание, полученное в лучшем месте Поднебесной, никуда не деть. В каком-то смысле мы с тобой товарищи по несчастью.

— Как говорится, без приличий человек не устоит, без ритуалов дело не ладится, без этикета в стране не будет мира... Ритуалы не спускаются к простолудинам, наказания не поднимаются к вельможам. Сы Вэй, порой ты слишком хорошо воспитан.

В эту эпоху этикет и манеры служили чётким маркером сословия. У крестьян, гнувших спины на полях, не было ни времени, ни средств на тонкости этикета. Даже в Линьвани самой

уважаемой считалась семья, где братья ради спасения от службы изувечили себе руки. Родовые общины с их храмами предков стояли выше простого люда, но и они оставались далеки от истинной знати.

Сы Вэй помнил, как деревенские девочки чесали головы частыми гребнями, вылавливая вшей, как женщины латали засаленные лохмотья на обувь.

— Зубной порошок кажется тебе горьким, но ты пользуешься им как ни в чём не бывало, хотя порой морщишься. Ты вырос в бедности, но инстинктивно следишь за чистотой. Твои ногти всегда безупречны.

— Перед едой ты обязательно моешь руки, за столом никогда не выбираешь лучшие куски из общей тарелки и не заговариваешь с набитым ртом. И главное... когда я переодеваюсь, ты всегда отводишь взгляд. Даже если деваться некуда, ты зажмуришься или отвернёшься.

— Обычная девушка никогда бы так не поступила, — Цзиньли обернулась и посмотрела на притихшего Сы Вэя. — К тому же Цинлу проговорила, что в общей спальне ты всегда наглухо задёргиваешь полог кровати.

— А твоя фраза: «Принеси мне все виды румян»?.. Пусть сейчас вы и бедствуете, но твоя семья явно не всегда была такой. Твои манеры выдают благородное происхождение. Если бы ты был девушкой, то привык бы к прислуге и не стеснялся женского тела. Но ты мужчина. И такая деликатность... Это признак не просто богатства, а высокой знати.

— Ну так что? Я угадала? — тихо спросила она.

<http://bllate.org/book/18280/1761223>